

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Мухамедов
Ирек

Рыжеволосая Людмила сидит за большим круглым столом в гостиной и перебирает пачки фотографий: вот она на гастролях в Лондоне, вот обнимается с Григоровичем, а вот юная, семнадцатилетняя Люда — у балетного станка.

— Я была невероятно упертая и невероятно настойчивая. Еще за полгода до выпуска в Пермском балетном училище поехала в Москву искать работу. Я была абсолютно уверена, что меня куда-нибудь возьмут. Абсолютно! И попала в театр "Московский классический балет" — тогдашний руководитель, Жданов, взял меня на ведущее положение. Что и говорить, я считалась очень перспективной. Ах, какая я была счастливая! Но как только вернулась домой, меня вызвал директор училища и сказал: "Не поедешь в Москву — мы тебя сосватали в Свердловск". Какой Свердловск?! Я не хотела нигде — только в Москву. Поэтому не подписала никаких бумаг и осталась без распределения. Зачем? Ведь меня взял к себе Жданов!

На дворе был 75-й год: в "Московском классическом балете" поменялось руководство — на место Жданова пришли Касаткина и Василев. Вот и получилось, что после выпуска я оказалась никому не нужна. Что было делать? Пошла в Пермский академический театр оперы и балеты, объяснила ситуацию: мол, должна была ехать в Москву, к Жданову, а оказалась у разбитого корыта. Меня взяли на самую низкую ставку. И два года я отработала в Перми. А потом в наш город на гастроль приехали Касаткина и Василев. Мне показалось, что в этом есть какой-то знак судьбы. Нашла их, объяснила ситуацию, доказала, что могу намного больше, чем делаю. Так и попала в Москву. А тут как раз после Московского хореографического училища к нам в театр пришел Ирек Мухамедов.

— Он за вами красиво ухаживал?

— Он не знал, что это такое — ухаживать. Он был скромный мальчик из Казани. У нас все складывалось постепенно, в процессе работы: работали, встречались, стали вместе жить, а потом подали заявление в загс.

— С чего начался взлет Ирека?

— С Московского международного конкурса артистов балета. Как раз в это время в театре намечалась поездка в Бразилию. Мухамедов мне сказал: "Не пойду на конкурс, полечу с тобой в Бразилию". Я тогда сильно возмущилась: мол, какая Бразилия, ты с ума сошел?! Это сейчас можно запросто подать заявку на участие в любом конкурсе, а тогда танцоров отбирало, утверждало и посылало руководство.

— Почему он не хотел идти на конкурс?

— Потому что он о карьере никогда не думал! Работал себе и работал, о Большом театре и не мечтал. Хороший был парень, отличный партнер и совсем не карьерист.

А на конкурсе он Гран-при взял. Когда я узнала о его победе, подумала: ну все, никогда мы не поженимся. И точно — прилетаю в Москву и слышу: "Давай подождем!"

— Почему?

— После такого конкурса у людей начинается другая жизнь с другими перспективами. Ни о какой семье уже говорить не приходится, потому что на первое место встает работа. Тем более что его родители были против нашего брака — я же не татарка.

Я его отпустила спокойно. Ирек стал работать в Большом театре, начал готовить "Спартак". Мы с ним совсем перестали общаться.

Но спустя какое-то время он застал в наш театр к своим друзьям. Мы с ним несколько раз столкнулись. "Привет!" — "Как дела?" И опять у нас все началось. Опять подали заявление в загс, стали жить вместе. Правда, тетя Ирека нам изрядно крови попила. Мы жили в общежитии на первом этаже, так она под окнами стояла и кричала: "Не дам ему жениться! Опозорю вас!"

— Как он вам во второй раз сделал предложение?

— Очень странно. И смешно. Пришел и заявил: "Вот я с Григоровичем поговорил, он согласен, чтобы я женился". Я засмеялась: "Я за кого

Барышников, Нуреев, Годунов... Ирек Мухамедов стал последним "советским перебежчиком" из когорты звезд балета, кто покинул СССР.

Он уехал тайно. Неожиданно. Даже для самых близких друзей. В Москве он оставил жену, балерину Большого театра Людмилу Кудрявцеву.

Мало кто знает, что своим отъездом он поломал судьбу не только ей, но и себе: Мухамедов в России до сих пор слышит легендарным танцовщиком, который сделал успешную карьеру на Западе. Однако Людмила считает иначе...

СКРОМНЫЙ МАЛЫШ

стал звездой, бросил жену, Большой театр и уехал в Лондон

замуж иду — за тебя или за Юрия Николаевича?.. И почти сразу после этого я перешла в Большой. Не по своей воле. Ирек мне как-то сказал: "Все, я договорился, тебя берут в Большой театр". Какой Большой театр?! У меня своя работа, своя жизнь. И кому я нужна в чужом театре, где труппа не менее трехсот человек? Но Мухамедов меня уговорил: "Мы не можем работать раздельно, мы должны быть вместе". Касаткина была недовольна. Говорила мне: "Зря ты свою жизнь так ломаешь — пожалеешь еще об этом". Через 12 лет я вспомнила ее слова.

— Как вас встретила труппа Большого?

— Ну как? Я шла туда как на Голгофу. Страшно было невероятно. Тем более что в Большом немосковские училища не очень-то и приветствовали. Но мне не устраивали никаких просмотров: Ирек поговорил с Григоровичем и с его женой, ведущей балериной Натальей Игоревной Бессмертновой, и я оказалась в труппе. Меня поставили в кордебалет во весь репертуар театра. И мне пришлось все начинать с нуля, доказывать, что я профессионал.

Меня не любила еще и клка. Всем известно, что некоторые артисты клкаерам деньги давали,

чтобы те овации устраивали, цветы покупали и забрасывали букетами во время выступлений. Водили "клакушку" по ресторанам, поили, кормили. А Ирек — нет. И они нас доставали у театра, встречали, приставали: "Мы же тебе такой успех сегодня устроили, Мухамедов!" Какой успех они устроили, если весь зал Мухамедову рукоплескал?! Потом посыпались письма и от мужчин, и от женщин: мол, люблю, хочу... Звонки начались: "Люда, пока вы дома, ваш Мухамедов по такому-то адресу в койке кувыркается". По какому адресу, если Ирек в это время сидит на кухне?! Однажды нам все это надоело, и мы отдали письма через знакомых в КГБ. Этим людям из "клакушки" вычислили, обещали их выслать за 101-й километр. Они потом нам звонили, извинялись, а при встречах отворачивались. А иногда на спектаклях концерт устраивали: Мухамедов танцует "Золотой век", а они ему в паузах кричат: "Васильев, bravo!" Я чувствовала, что мы их жутко раздражаем. Мы же с Иреком были постоянно вместе — в театр, из театра... После спектакля он шел по коридору: "Люда! Люда! Поехали!"

— Ирек был внимательный муж? Заботливый?

— Это я была внимательная и заботливая. Наверное, я ему была как мама. Но взаимопонимание у нас было полное, за одиннадцать лет совместной жизни мы никогда не ругались, всегда сходились во мнениях, везде были вместе. Нас очень сильно объединяла работа. Мне казалось, что Ирек меня любит.

— Мухамедов не болел звездной болезнью?

— Нет, абсолютно. Он был очень хороший. Без амбиций. И никакой звездности в нем не было. Он очень уважительно относился ко всем, вплоть до уборщицы, всегда со всеми здоровался. Его и любили в театре все — от примеров и костюмеров до дирекции. Сам Ирек был очень благодарный Григоровичу: ведь Юрий Николаевич давал ему все ведущие партии.

— А вы? Что делали вы?

— А я была при звездном муже. О карьере мечтать уже не приходилось. Меня перевели в ранг жены, и никто всерьез уже не воспринимал как артистку. Мухамедов мне сказал, что никогда не будет за меня просить: он действительно был очень скромным. Хотя это была обычная практика: в театре всегда кто-то за кого-то просил — не за себя, так за сына.

— Неужели никто не пытался вам протя-

нуть руку помощи? Какие-нибудь уверенные и состоявшиеся примы-балерины?

— Нет, там была не та обстановка. Там ведущие-то балерины натушко делали вид, что хорошо друг к другу относятся. А кому я нужна была?..

— Как складывался ваш быт?

— Жили на "ВДНХ" в маленькой квартирке с сидячей ванной — нам ее дал Большой. А мы целыми днями пропадали в театре: встал с утра, пошел в класс, проработал часов до трех, потом вернулся на пару часов домой, ножки наверх, отдохнул — и опять в театр: на спектакль или на репетицию. И так каждый день. Девять лет без отпуска, потому что летом у нас обычно были гастрольи. Мы же объехали весь мир: Англия, Германия, Америка, Япония, Бразилия...

— А вы детей сознательно не хотели?

— Нет, почему? Мы, наоборот, все расплачивались: получить квартиру побольше и родить ребенка. А в молодости мы работали и работали — как одержимые.

— Его родственники к вам со временем потеплели?

— Не думаю. Просто приняли наш брак как данность.

— Как началось его отдаление от вас?

— Никакого отдаления не было. Все было замечательно, и мне даже казалось, что у нас отношения становятся все лучше и лучше. Мы получили квартиру в центре и полетели на гастрольи в Бразилию: все шутили, что там и можно будет подумать о детях. Отработали 20 дней. И однажды Ирек не пришел ночевать. Я по наивности думала, что он застрял у кого-то, засиделся, заговорился в компании. А наутро он появился со словами: "Я с тобой развожусь — я полюбил Машу". Какую Машу?! Я даже сначала не поняла, так растерялась. Потом сообразила: Маша же со мной в одной гримборной сидит. Она неплохая была артистка, красивая. Замужем тоже — ее муж часто в театр за ней приходил.

Самое ужасное, что наши гастрольи продолжались еще целый месяц, и все это случилось на глазах у труппы: Мухамедов собрал чемодан и переехал из номера жены в номер другой балерины.

А когда мы вернулись в Москву, он даже не заехал домой: они с Машей сразу поехали на съемную квартиру. И мы с ним больше никогда не общались. Только развод оформили.

— Как же вы выходили с ним на сцену?

— На автопилоте. Для меня случившееся было не просто ударом. Удар — это какое-то мягкое слово. Я потерялась во времени.

Я совершенно не предполагала, что у Ирека мог быть с кем-то роман! Мы же почти все время проводили вместе. У нас все было, как всегда, замечательно.

— Неужели вы как женщина ничего не почувствовали?

— Абсолютно! Даже в самом личном, в самом интимном он оставался такой же!

— И в театре вам никто не намекал о его связи с другой балериной?

— Нет, потому что никто не знал, как оказалось... Я так думаю, что он не собирался со мной разводиться. Я потом узнала, что он так и говорил: "Разводиться не буду". Но Маша его вынудила не прийти ночевать, зная мой характер. И когда он появился в номере под утро, он не смог мне соврать, с кем он был. Он был очень честный мальчик.

— Ваши коллеги вам как-то помогли? Поддержали?

— В Большом не принято было подходить к кому-то с сочувствием и с поддержкой. После нашего развода меня вообще убрали из репертуара. Убрали из заграничных гастрольей. С последней поездки — гастрольей во Францию — меня сняли по его просьбе: Маша боялась, что мы с ним наедине останемся. А она не могла поехать, может быть, была беременна. Несколько лет назад в Англии вышла его книга, где он сам рассказывает об этом.

— Вы сильная женщина.

— Это просто я сейчас все так спокойно говорю. А тогда... У меня был очень плохой период. Я не знала, как жить. Знаете, труппа Большого театра была большим террариумом. И женщины там брали все, что плохо лежало. Я об этом раньше не думала, я Иреку безгранично верила и ни на кого другого не смотрела. Для меня было так: я и Ирек. Он и был моей жизнью.

Но, может быть, он со мной так поступил потому, что я сама виновата. Нельзя жить для мужчины. Нужно было своей карьерой заниматься. Зачем я вообще пошла в этот театр? Права была Касаткина. Была бы у нее солистка, стала бы ведущей артисткой, может быть, даже заслуженной — все ведь могло быть.

— Как же вы пришли в себя?

— У меня такое впечатление, что я до сих пор в себя не пришла. Я не пришла в себя, потому что для меня все ушло, все осталось в прошлом.

— Вы знали о том, что он хочет покинуть СССР?

— Конечно, нет. Ирек никогда не хотел уезжать. Вы поймите, его же называли бриллиантом русского балета, он в Советском Союзе был звездой. Я думаю, что это Маша очень хотела уехать и подбила Ирека на этот шаг.

Они уехали тайно: Мухамедов сказал Григоровичу, что поехал танцевать в Вену два спектакля. Юрий Николаевич отпускал всех, кого приглашали за границу, лишь бы это не пересекалось с репертуаром и графиком. И сразу после отъезда Ирека меня вызвал к себе Григорович и сказал:

"Я слышал, он не вернется". Через несколько дней Мухамедов прислал телеграмму, что он увольняется. Григорович тогда за две недели стал седым: он же Ирека обожал, он любил его как сына родного! Я считаю, что Ирек предал театр и своего учителя.

— А что было с вами?

— Я уже ничему не удивлялась. Я осталась работать в театре, постоянно слышала от других: "Скажи спасибо, что вообще здесь работаешь". Меня перестали ставить даже в текущий репертуар, перевели в запас. Приходила в класс, присутствовала на репетициях, а потом ко мне подводили какую-нибудь девочку и говорили: "Покажи ей свое место". Без объяснений.

— Почему вы не ушли из Большого?

— А куда? Мне до пенсии оставалось четыре года. Куда идти? И куда можно уйти из такого театра, как Большой?..

— Ирек вам никакой весточки за это время не подал?

— Нет. Маша родила ему детей, больше не танцевала. Это то, что я о них знала.

А год назад Ирек приезжал в Москву с гастрольями "Ковент-Гарден". Мы с ним встретились после 12 лет разлуки. У подъезда Большого театра. Он практически не изменился, но глаза бегают, взгляд такой неопределенный. "Ой, у меня интервью через час, сам удивляюсь, что я в России нарасхват, наверное, потому что "Ковент-Гарден" на гастрольях..." Я говорю: "Нет, Ирек, просто тебя помнят и любят". Пошли в какое-то кафе, посидели 20 минут. И все, знаете, на нерве: столько лет прошло, а я переживаю, но делаю вид, что все хорошо, все нормально. И вдруг он мне говорит: "А ты знаешь, у меня же там ничего не получилось". Я тогда его спросила: "Зачем же ты уехал? Ты же мог развестись со мной и работать дальше. Ты представляешь, как все могло бы быть?" А он: "Да-да, у меня ничего не получается". На том и расстались.

Я считаю, что Маша ему испортила карьеру. Ирек же был в СССР на таком пике, с таким положением! И куда уехал? Англия, может, и хорошая страна, но там же не было такого балетмейстера, как Григорович. На него никто вообще ничего не ставил! Отъезд стал началом его конца как танцовщика. Ведь с ним в "Ковент-Гарден" подписали договор на семь или восемь лет, а потом не переподписали контракт. И он узнал о своем увольнении постфактум. Он был такой доверчивый, наивный мальчик. Я думаю, ему было очень нелегко там.

Я не знаю, чем он там сейчас занимается, на какие деньги живет, на что кормит своих детей. Хотя, может, ему больше и не нужна никакая сцена, а только семья и дети. Кто знает? Это же я вам свои ощущения рассказываю. А может, он счастлив?..

— У вас романы были после Ирека?

— Это были не романы. Это была история одинокой женщины, которая пыталась что-то построить заново. Но так ничего и не построила.

— Когда вы ушли на пенсию?

— В 95-м. Пенсию дали 2000 рублей. Она у всех балетных такая, даже у народных артистов. А ведь надо жить, мне ведь и сорока не было. Первое время на пенсии я долго отходила от случившегося, сидела дома. Связей у меня никаких особых не было. Дружья после нашего развода куда-то подевались, хотя раньше ходили толпами, и какие были друзья — известные на всю страну люди.

Была у меня попытка устроиться на работу преподавать, но неудачно. Потом я стала давать частные уроки — иногда готовлю балетных из разных трупп к международным конкурсам. Но это не постоянный заработок. И все таких, балетных на пенсии, много, таких — большинство. Сейчас я думаю, что балетная профессия — хобби, и для будущего нужно обязательно иметь второе образование. Либо удачно выходить замуж.

Но я все равно благодарна судьбе: все-таки работала в Большом, и не только в кордебалете: четверка лебедь танцевала, варячек, солнышки номера были. Делала то, что многие балерины всю жизнь мечтали станцевать и никогда не танцевали. Наверное, это были лучшие годы в моей жизни. Когда живешь, не отдаешь себе отчета в том, как ты счастлив. Только спустя время можешь оглянуться и оценить.

Виктория САРЫКИНА.